

Старший научный сотрудник
исторического отдела
Псковского музея-заповедника
Сафронова М.Н.

Псковская губерния. №27 (549), 13 июля – 19 июля 2011

URL: http://gubernia.media/number_549/03.php

Псков под немцами

Оккупация 1941 – 1944 гг. стала самой долгой и самой трагической страницей истории города

Псков в своей долгой истории был оккупирован трижды. И трижды это были немцы. Про первую оккупацию в 1240 году в Пскове помнили «легендарно», без особых подробностей. Тогда основные силы псковичей были разбиты под Изборском. Следом ливонские отряды начали осаду Псковской крепости. Осада длилась неделю и трудно сказать, чем могла бы закончиться, если бы не предательство посадника Твердилы. Так началась первая немецкая оккупация Пскова. Когда и чем закончилась – это известно.

Вторая немецкая оккупация Пскова – с февраля по ноябрь 1918 года. Кайзеровские войска тогда заняли Псков и часть Псковского уезда, Остров и часть Островского уезда. Вся полнота власти на оккупированной территории принадлежала немецкому командованию. В этой оккупации и оккупации периода Великой Отечественной войны много общего – обширная система поборов, разграбление и вывоз материальных ценностей, бесправие местного населения.

Третья оккупация Пскова оставила свой обширный след и в документах, и в фотографиях, и в воспоминаниях очевидцев.

«Ужасный запах от горящей шерсти и живых существ заражал целые кварталы города»

9 июля 1941 года – первый день третьей немецкой оккупации [1]. Вряд ли тогда кто из псковичей мог предположить, что это будет за жизнь. Что такое немецкая оккупация, в Пскове еще помнили те, кому пришлось в 1918 году видеть на улицах Пскова кайзеровских солдат. Но по степени жестокости по отношению к людям, размаху грабежа третья оккупация не имела себе равных.

13

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Псковского Городского Управления от 31.1.42 г.

По сообщению Немецких Властей, случаи отказа от работы и злостного уклонения отдельных граждан города от несения трудовой повинности в настоящее время принимают совершенно недопустимый характер и становятся явлением обычного порядка, а применяемые до сего времени меры борьбы с этим явно не достигают своей цели и не дают необходимых положительных результатов. Поэтому Немецкие Власти с 1-го февраля вынуждены будут в этих случаях применять самые суровые меры, вплоть до расстрела, на которые оно не могло итти ранее из предположения, что население города само поймет пагубность, вред и полную бесцельность саботажа трудовой повинности, проводимой исключительно в интересах самого населения и для его же собственной пользы.

Учитывая вышеизложенное, Городское Управление считает поэтому себя обязанным еще раз напомнить всем гражданам Пскова, что выполнение установленной Немецкой Властью трудовой повинности, как и всякого распоряжения Немецкого Командования, является долгом каждого сознательного гражданина города, обязанного принести все свои силы и личный труд на благо Родины и восстановление разрушенного советской властью городского хозяйства, что уклонение или отказ от выполнения этой почетной обязанности, недопустимые вообще в нормальных условиях жизни, совершенно нетерпимы и не могут оставаться безнаказанными в настоящее время, когда перед каждым из нас лежит необъятное поле деятельности на благо народа и широкого труда на пользу тех, кто не пожалел сил и своей жизни для освобождения русского народа от двадцатичетырехлетнего гнета и насилия.

Городское Управление надеется, что население города учтет всю тяжесть последствий невыполнения распоряжений Немецких Властей, честно и добросовестно выполнит свой долг перед ними и со всею серьезностью отнесется к настоящему предупреждению о том наказании, которое ожидает всякого уклоняющегося от выполнения распоряжений Немецких Властей.

Городской Голова города Пскова
ЧЕРЕПЕНЬКИН.

Объявление городского главы Пскова В. М. Черепенькина об установлении единовременного налога на восстановительные работы. Декабрь 1941 года.

Всё, что высказывалось нацистскими вождями о войне против Советского Союза, давно известно. Адольф Гитлер заявлял об уничтожении не только государства с названием «Советский Союз», но и об уничтожении русских как народа (здесь под «русскими» понимался не один этнос, а совокупность всех этносов, населяющих Россию). «Я намереваюсь грабить и, именно, эффективно», – это уже Герман Геринг. Подобных политических заявлений было множество.

А вот что думал об этой войне рядовой немецкий солдат, ставший оккупантом? Что двигало им, какие «высокие идеи» привели его в чужую страну? Ответы можно найти в письмах Иоганна Хайнриха Вике, немецкого священника [2]. В письмах к жене он делится впечатлениями о походе на Восток. Несколько выдержек из этих писем:

10 июня 1941 года: «Вот теперь начинается... Итак, начнем с радостной верой борьбу, которую придется вести с потом и кровью (нашими кровью и потом), но и с духами тьмы».

16 июня 1941 года: «Вот мы и едем. Судя по направлению, поездка принесет прекрасные впечатления. Я вчера разговаривал с двумя дамами, которые рассказали мне о родственниках, которые ждут нас, и внушенного нами освобождения как «мессии». Когда слышишь подобное, то вновь хочется войны, которую возложили на нас».

12 июля 1941 года: «Город, у которого мы теперь располагаемся (Псков) ужасно разорен, а именно преимущественно бомбами и пожарами. Он был взят как раз в тот день, когда мы прибыли к вечеру. Солдаты осматривали улицы и дома с карабинами и приставленными штыками.

Еще горели большие магазины, а чудесные старые православные церкви с их тонко обработанными известковыми стенами и зелеными медными куполами стояли частью неповрежденными, частью же ужасно разрушенными среди развалин, смотрелись чуждо в гуле машин и беготне любопытных и взволнованных людей.

Прекрасная высокая церковь, несущая 5 куполов как корону, возвышается над городом, видная издалека... Мы опять здесь красиво живем. Я весь день просидел в большой прямоугольной палатке, которую мы построили из 8 новеньких русских палаточных полотен. Боковины мы высоко подняли, так что слабый ветерок охлаждал вспотевшие тела. На школьной парте (реквизированной) тыльной стороной вверх лежала наклеенная на белое полотно настенная карта из ближайшей школы, и когда она запачкается, наступит очередь другой.

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИГЛАШЕНИЕ

ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ РАБОЧЕГО ПАСПОРТА

Сим в последний раз предлагается населению города Пскова явиться с нужными документами для получения рабочего паспорта в помещение Управления Труда по Плаунер улице № 11 (бывш. улица Ленина).

Кто после 1.12.41 будет застигнут военным патрулем без рабочего паспорта, будет подвергнут уже об'явленному строгому наказанию.

Выдача рабочих паспортов происходит от 8 часов до 16 часов 30 мин. По субботам от 8 часов до 13 часов для мужчин от 14 до 65 лет.

Командир Хозяйственного Управления

БЕККЕР.

Обертслейтенант.

Псков.
21.11.41.

«Последнее приглашение» для получения рабочего паспорта немецких властей Пскова. 21 ноября 1941 года.

В городе Пскове вчера оставшиеся бедные люди копошились, как в муравейнике. Они тащили из разрушенных магазинов и из частных квартир наобум все, что можно было схватить: продукты в огромных пакетах, развешанные в сетках, рейки в мешках за спиной, инструменты и всевозможные устройства.

...Ужасный запах от горячей шерсти и живых существ заражал целые кварталы города. И среди всей этой суматохи, порчи, борьбы за жизнь, добычу и собственность, гармоничные белые церкви в их непорочном спокойствии и мире. Хорошо, что люди здесь, несмотря на пуговицы с советскими звездами на рубашках и кителях, имеют в своих городах и деревнях церкви.

И крестьянин, рядом с домом которого мы расположились, и который сегодня тотчас появился при первых звуках Интернационала из нашего граммофона и благоговейно слушал Интернационал вместе со словами Сталина, а при 36-м повторении пластинки еще раз вышел из дома и присоединился к нам, захваченным услышанным, – мы проиграли 36 пластинок с речью Сталина! – у него пуговицы с советскими звездами на зеленой рубашке, при этом у него в комнате есть красный угол с 3 иконками!».

[3]

Die Neu Ordnung

Территория Псковщины была окончательно оккупирована лишь к концу лета 1941 года. Что же такое «оккупация»? Из словаря: «Оккупация (от лат. *occupatio*) – захват, временное занятие вооруженными силами территории противника». Оккупация Советского Союза в 1941 году должна была продлиться вечно, она не планировалась как временная.

Оккупированная территория СССР была поделена на зоны административно-хозяйственного управления. Псков был отнесен к Северной России (граница территории проходила по линии Псков – Дно – Старая Русса).

С началом оккупации Псковская земля стала глубокой тыловой зоной двух группировок – «Север» и «Центр», «замиренной» территорией. Когда

группа армий «Север» в составе 16-й, 18-й армий и 4-й танковой группы достигла пределов Ленинграда, то Псков и близлежащие районы стали для нее опорным тыловым районом, ее административным, хозяйственным и военным центром.

Размещение командования северной группировки и 18-й армии в Пскове наложило свой отпечаток на характер оккупации. В городе разместились: командование и хозяйственная инспекция группы армий «Север», командование 18-й армии, штаб оперативной команды 1-а (служба безопасности СД), военно-строительная организация рейхсминистра вооружения и боеприпасов Фрица Тодта (ее команды разместились на территории Довмонтава города), немецкие госпитали (гарнизонный госпиталь, здания школ), разведшколы (в городе и окрестностях), командование охранных дивизий, эстонские комендатура и полиция, штаб железнодорожных войск, пересыльные пункты.

Псковщина входила в оккупационную зону рейхскомиссариата «Остланд» [4]. Вся полнота власти принадлежала военному командованию. Военная власть в Пскове была представлена начальником окружной военно-полевой комендатуры, городским военным комендантом, начальником полиции безопасности.

Постоянный гарнизон насчитывал около 20 тысяч, а временами доходил, по некоторым сведениям, до 70 тысяч.

«Новый порядок» («Die Neu Ordnung») был основан на жесточайшей эксплуатации, насилии над мирными гражданами, на культивировании постоянного страха за свою жизнь, на жестокости, убийствах, на грабеже «всего и вся».

В городе появились эмигранты из-за границы. Многие из них вошли в состав городского управления, главой которого был назначен бывший учитель математики В. М. Черепенькин. Городская управа находилась на переименованной улице Ленина, рядом размещалась и биржа труда. Именно сюда, по адресу ул. Плаунер, д. №11 (Дом специалистов), до 01.12.1941

должно было явиться взрослое население города, в первую очередь, мужчины (от 14 до 65 лет) для получения рабочих паспортов.

Саботаж трудовой повинности карался суровыми мерами, вплоть до расстрела (саботажем считалось отсутствие рабочего паспорта или соответствующей отметки в советском паспорте).

Монумент на площади Жертв Революции был перестроен, на нем укреплена свастика и доска с надписью «В память освобождения г. Пскова от большевизма германскими войсками 9 июля 1941 г.»

Все распоряжения немецкого командования должны были беспрекословно выполняться каждым «сознательным гражданином города», т. к. это его долг – трудиться в пользу тех, «кто не пожалел сил и своей жизни для освобождения русского народа от двадцатичетырехлетнего гнета и насилия».

Комендантский час с 20 часов до 5 часов утра (таким он был установлен с осени 1942 года, а до этого с 19 часов до 6 часов утра) ограничил

передвижение жителей по городу. Обязательным было затемнение окон. Кроме того, с сентября 1942 года Псков был объявлен зоной с заградительными мерами, т. е. всякое самовольное переселение в город для постоянного проживания запрещалось.

Многие псковские улицы были переименованы: Октябрьская улица (до стены Окольного города в Летнем Саду) – в улицу Гитлера, Пролетарский бульвар (после стены Окольного города в сторону Крестов) – в Хауптштрассе, Ленина – в Плаунер, Свердлова – в Берлинерштрассе, Поземского – в Гдофферштрассе, Советская – в Берхрессаденерштрассе, К. Маркса – Фребель, Гоголя – в Главную. Некоторые улицы сохранили свои названия, но писались немецкими буквами. Население города в повседневной жизни пользовалось привычными довоенными названиями.

Сняты были два памятника – Ленину и Кирову – возле Дома Советов. Перенесены к зданию тюрьмы, потом и вовсе увезены для использования в качестве цветного металла. Кстати, цветной металл в обмен на продукты охотно принимали от населения города (приемные пункты находились возле Троицкого моста, на улице К. Маркса).

В первые дни оккупации для всех был открыт Псковский музей, потом его посетителями стали только немецкие солдаты. Здание музея позже, когда началось разграбление пригородов Ленинграда, стало перевалочно–сортировочным пунктом для привозимых ценностей из дворцовых музеев.

В период оккупации многие городские здания использовались по прямому своему назначению: тюрьма, ТЭЦ, почта, радиоцентр, театр, типография, аэродром, парикмахерские, столовые.

В Доме Советов разместились полевые комендатура и жандармерия, в левом крыле – госпиталь. В первой советской гостинице – «Октябрьской» – разместились штабы группы армий «Север» и 18-й армии (весь квартал был оцеплен колючей проволокой).

На углу Некрасова и Октябрьской улиц в кирхе рядом с храмом Анастасии в Кузнецах – Дом офицеров «Хаус Остланд». Здание бывшей

Псковской Городской Думы (до войны Дом Красной Армии, находился на месте дома 1/3 по нынешней ул. Советской), был превращен в солдатский клуб.

На подворье Печерского монастыря около храма Одигитрии была открыта поликлиника для русских (с платным лечением). Детский прием стоил 3 рубля, для взрослых – 5 руб., вызов врача на дом – 8 руб., койко-день в больнице – 15 руб.

Во время оккупации месячная зарплата чернорабочего в Пскове составляла 220-230 руб., рабочего высокой квалификации – от 300 до 500 руб., учителя – от 300 до 1000 руб., сотрудника музея – 750 руб., городской глава В. М. Черепенькин получал 2000 руб. в месяц.

Цены на основные продукты и товары были следующими: порция щей в столовой – 20 руб., коробок спичек – 50 руб., десяток яиц – 100 руб., билет в театр – 15-20 руб., номер газеты «За Родину» [5] – 50 коп., подписка на месяц (при 6 выходах в свет в неделю) – 12 руб., 100 г соли – 130 руб., пуд хлебного зерна – 1100 руб., пуд муки – от 1000 до 1500 руб., пуд картофеля – от 500 до 700 руб., 1 литр молока – 30-40 руб., сахарин – 40 руб. за 100 таблеток, пара мужских сапог – 10 000 руб., туфли женские – от 1500 до 2000 руб., мужские шерстяные брюки – от 300 до 1000 руб., табак – 150 руб. за 50 г., воз дров – от 300 до 400 руб., кусок мыла – 150 руб., расчёска – 120 руб.

Работали бани: Гельдтова – для немцев, на Плехановском посаде – для русских.

Снетогорский монастырь с весны 1942 года стал узлом связи и фактически резиденцией командующего группы армий «Север». Псков видел пятерых командующих армейской группой: фельдмаршалов Вильгельма фон Лееба, Георга фон Кюхлера, Вальтера Моделя, генерал-полковников Георга Линдемана и Иоханнеса Фриснера.

Осенью 1941 года в Пскове оказалось 10–12 тысяч человек. До войны в городе проживало 62 тысячи. С началом войны мобилизовано в Красную Армию около 15 тысяч человек. Многим удалось выехать, уйти в советский

тыл. К 1942 году население города возросло до 30 тысяч, в основном, за счет тех, кто не успел в начале войны уйти от наступающей немецкой армии и осенью–зимой 1941 года вынужден был вернуться домой.

Основными обязанностями местного населения были: трудовая повинность (в основном для мужчин в возрасте от 14 до 65 лет, но женщины также получали рабочие паспорта), обеспечение поставок для немецкой армии (войска, расквартированные в зоне Остланд, обеспечивались всем необходимым, в первую очередь, продовольствием, за счет местного населения), обеспечение безопасности немецкой армии (в том числе охрана объектов военного значения, в частности, охрана железных дорог от партизан).

Неотъемлемой частью «нового порядка» была широкая система налогов. Были налоги «разовые», например обязательный единовременный налог в размере 10 рублей с каждого жителя города Пскова, независимо от возраста, в декабре 1941 года – «на продолжение восстановительных работ по благоустройству Пскова».

Система налогов определялась «Предварительным порядком взимания налогов Командира войск безопасности и Командующего войсками Северной области от 19 апреля 1942 года», который постоянно «совершенствовался».

С податного населения (от 18 до 60 лет, вне зависимости от пола) взималась подушная подать в размере 120 рублей в год с человека, от него освобождались инвалиды. Был введен подоходный налог в размере 10% и налог с продаж также в размере 10% (при легальной торговле).

С 5 июня 1942 года в Пскове появился налог на собак, разумеется, домашних. Налог за собаку составлял 25 рублей в год. Если у хозяина была вторая собака, то за нее налог составлял уже 35 руб. в год, с каждой последующей собаки – по 45 рублей, за кошку – 30 руб. в год. В Стругах Красных введен налог «на бороду», т. е., заплатив в год 10 рублей, можно было ходить спокойно, не боясь, что могут принять за партизана. Но желательно при этом иметь документ об уплате этого налога.

Нарушение любого пункта «Постановления...» каралось тюрьмой или денежным штрафом в размере от 500 до 800 руб.

Надо заметить, что рубли, которыми платили налоги, это были советские деньги, с советскими символами и портретом В. И. Ленина. Курс германской марки к рублю составлял 1:10.

Существовал еще один вид денежных знаков для местного населения – т. н. «пункты». Ими, как правило, расплачивались с сельским населением за проданные сельскохозяйственные продукты и сырье (например, лён).

Сельское население, помимо денежного, облагалось еще и натуральным налогом. Каждое хозяйство должно было поставлять определенное количество яиц, мяса, молока, картофеля, овощей, сена в пользу новых властей. За отказ или неуплату, недоплату виновник сажался в тюрьму, за него ответчиками были его односельчане. Использовался принцип круговой поруки.

В начале оккупации новая власть отказалась от ликвидации колхозов, т. к. собирать продналог с коллективного хозяйства легче, чем с единоличников. Колхозы были ликвидированы только весной 1942 года.

По специальным распоряжениям немецких властей жители обязаны были сдавать оружие, радиоприемники, велосипеды, лыжи с палками (даже детские). За неисполнение – наказание вплоть до расстрела.

Возобновили работу некоторые псковские предприятия. Заработала электростанция, ремзавод, возобновилось движение трамвая (трамвайные рельсы в конце оккупации были сняты и увезены в Германию).

Было запущено крупнейшее предприятие города – меховая фабрика (бывший кожевенный завод «Пролетарий», чье оборудование и сырье советские власти при эвакуации вывезти не успели). Здесь шили и ремонтировали меховую одежду и обувь для немецкой армии. На фабрике в трех цехах (скорняжном, трикотажном, сапожном) трудилось около 600 псковичей. Именно здесь известны случаи массовых публичных порок рабочих «за плохую работу», «за брак», «за вредительство» – 15 ударов плетью).

На углу Новгородской (бывшая Карла Маркса) и Пушкинской улиц работала прядильно–ткацкая фабрика с числом работников около 370 человек.

Среди мест работы числились Крыпецкое торфопредприятие и Ваулинские гравийные разработки (к Ваулиным горам была проведена узкоколейка, высокого качества песок увозился в Германию). Труд был каторжным, зарплата – мизерной, условия работы – очень тяжелыми, недаром в Пскове Ваулинское предприятие называли не иначе, как «Ваулинская каторга».

Источников заработка в городе было мало, население существовало кое–как, перебиваясь за счет выменянных на вещи продуктов. Меняли вещи на продукты, покупали их на Торговой площади (нынешняя пл. Ленина) в базарные дни (с сентября 1941 года базарным днем был понедельник).

В первые дни оккупации базар на Торговой площади в Пскове не работал. Только в первой половине августа 1941 года базару было разрешено собираться. На базаре часто устраивали облавы, выискивая партизан. Иногда во время облав отбирали молодежь, чтобы отправить на работы в Германию. Властям приходилось прибегать к облавам, так как желающих ехать в Германию добровольно было немного (хотя объявления печатались в газетах регулярно с начала 1942 года).

Псковская газета периода оккупации «За Родину» называла базар «главным нервом жизни Пскова»: «Три длинных ряда двойных прилавков, подведенных под крышу... Большинство продуктов, как ягоды, мука, сахар, разная крупа, мак, мед продаются только стаканами. Картофель продается «мерой», а зимой и весной горшками, по 20–25 картофелин».

Обилие продуктов в газетной статье не дает полной картины в обеспечении продовольствием жителей и города и псковской деревни. Население голодало. В городе была введена карточная система на получение продовольствия: работающие получали 300 грамм хлеба в день (в блокадном Ленинграде – 250 г), неработающие – 175 г. Кроме этого, полагалось 200 кг картофеля в год работающим, неработающим – 100 кг.

Голод в Пскове спровоцировал эпидемию сыпного тифа, начавшуюся в январе 1942 года. Эпидемия охватила и городское, и сельское население. Если в городе немецкие власти принимали меры по лечению и профилактике тифа (тиф лечили бесплатно), то на селе принимались крутые меры – деревню просто огораживали колючей проволокой, запрещая въезд и выезд.

Все меры немецких властей по благоустройству Пскова: по расчистке завалов, разборке развалин, ремонту дорог, восстановлению водопровода, трамвайных путей, снабжению продовольствием и т. д., и т. п. проводились отнюдь не из чувства жалости и сострадания к местному населению. Город был наводнен оккупационными войсками, штабными учреждениями, которым хотелось более–менее сносных условий существования.

«Родной язык. Четвертая книга для чтения»

Важная роль в работе с местным населением отводилась пропаганде германского образа жизни. Формированию положительного образа немецкой нации призваны были способствовать статьи в прессе, передачи по радио, школьные учебники.

Так, в учебнике «Родной язык. Четвертая книга для чтения» размещены несколько рассказов о Германии. Это – «Земледелие в Германии», «На заводе в Германии», «В немецкой деревне». В рассказах главная тема – трудолюбие, практичность, рационализм немецкой нации.

Небольшой немецкий рассказ на русском языке «На государственной трудовой повинности в Германии» дает удивительно «трогательную» картину из жизни остарбайтеров в Германии: «В Германии все знают девушек государственной трудовой повинности. Каждый с радостью смотрит на них и читает в их ясных и открытых лицах радость труда, гордое сознание своего долга и пользы своей работы. ...Где бы вы ни встретили такую девушку – в городе, в поезде или в деревне – всегда с восторгом рассказывает о своей работе, своем лагере и своих подругах».

И далее еще 11 строк в этом же духе.

Трудно сказать, мог бы кто-то из 11 тысяч вывезенных из Пскова остарбайтеров вспоминать о жизни «в неметчине» с такой радостью. Да, было в Германии то, что поражало многих, когда попадали в Германию – это условия быта хозяев. Правда, по возвращении на Родину об этом особо не распространялись. Для большинства это было рабство. В рассказе не упомянуто об обязательном ношении на одежде нагрудного знака «OST», клейма раба.

О полном бесправии вывезенной в Германию рабочей силы поведала в Опросном листе [6] псковичка Катя Борисова, вывезенная на работу в Германию в 1942 году. Тогда ей было 16 лет. В Германии была отдана в работницы владельцу строительной фирмы Оскару Кальмусу.

Из Опросного листа К. Борисовой: «Вставала к 6 часам, убирала 27 помещений, приготавливала завтрак для 7 человек семьи, убирала тротуары, стирала, топила кочегарку. Кормили для такой работы плохо и недостаточно. За проступки 5–летнего сына хозяев фрау Кальмус неоднократно избивала и обзывала партизанкой и русской свиньей».

Система народного образования на оккупированной территории практически была уничтожена. Если вспомнить, что говорилось вождями нацизма об образовании для русских (4-х классовое образование, минимум предметов: русский и немецкий языки, счет до 500, четыре арифметических действия, Закон Божий, пение, труд, рисование), то неудивительно, что в Пскове с перерывами работало несколько школ для детей 8-12 лет (около 200 учащихся).

В сентябре 1941 года была открыта детская художественная школа, где рисованию обучалось 45 детей.

В оккупированном Пскове в мае 1942 года возобновил регулярную работу радиоузел. Передавались русские народные песни (3–4 раза в день), читались лекции о Германии, Гитлере, передавались сводки с фронта (до 6 раз в день).

Периодическая печать на оккупированной Псковщине представлена была газетами двадцати наименований («Свобода», «Путь к счастью», «Радость» «Новое время», «Псковский вестник» и др.) Самыми читаемыми были «Правда» и «За Родину».

Газета «За Родину» печаталась на типографском оборудовании фронтовой газеты Северо-Западного фронта «За Родину» (оборудование типографии не успели вывезти при отступлении). Первый номер газеты вышел 10.09.1942 года.

В целях идеологической «обработки» местного населения были созданы круглогодичные т. н. «политические школы». Их в обязательном порядке должны были посещать представители интеллигенции – врачи, учителя, как «основные носители идеологии».

Темы лекций: «Хозяйство СССР и Германии», «Биография Гитлера», «Новая Европа», «Расы и расовая теория», «Две революции» (Октябрьская революция в России и приход к власти в Германии национал-социалистов), «Забота германских властей о честных советских гражданах», «Поддержка

германских войск – забота о будущем своем счастье», «Адольф Гитлер и дети» и др.

Бесплатная раздача брошюр о жизни Германии, о сельском хозяйстве, промышленности, о вождях германской нации, демонстрация передвижных фотовыставок, киноборников – все это должно было убедить оккупированное население в самых «чистых» намерениях оккупантов.

В Пскове в августе 1941 года появились представители Русской Православной миссии, созданной в Риге. Возглавлял миссию Прибалтийский экзарх Митрополит Сергей (Воскресенский).

Задача миссии была определена как возрождение духовной жизни на освобожденной (от большевизма) территории. Возрождение подразумевало открытие храмов, закрытых при Советской власти, восстановление приходов. Около 300 священников прибыли из Прибалтики на Псковщину в составе миссии. У миссии в Пскове было свое печатное издание – «Православный христианин».

Тема Псковской Православной миссии нуждается в более подробном освещении. Отношение к ней до сих пор нельзя назвать однозначным. Кто-то считает Миссию неотъемлемой частью Русской Православной Церкви, кто-то – относит ее участников к разряду коллаборационистов.

С началом оккупации в Пскове были открыты 10 храмов, в том числе Троицкий собор. Правда, некоторые храмы в Пскове потом снова были закрыты, в них разместились конюшни, склады торфа, угля. В конце концов в Пскове в течение всего периода оккупации действовало два храма – Троицкий собор и церковь Дмитрия Солунского (на бывшем Петровском, нынешнем Плехановском посаде).

1 января 1942 года верующих псковичей обрадовала передача Псковской Православной миссии чудотворного образа – Тихвинской иконы Божьей Матери. Хранилась икона в кладовой комендатуры. На службу в Троицкий собор икону сопровождали немецкие часовые. Именно из Пскова

эта православная святыня отправилась за границу на долгие шесть с лишним десятков лет.

22 июня в Пскове отмечался оккупационными войсками как день начала борьбы за освобождение России. В этот день в Пскове проводился военный парад. В 1943 году парад немецких войск возглавила рота гвардейской бригады Русской Освободительной Армии (РОА), дислоцировавшейся в Стремутке. По некоторым сведениям, это был единственный парад РОА на оккупированной территории СССР.

Возглавивший РОА генерал А. А. Власов в апреле 1943 года предпринял агитационную поездку по тыловому району группы армий «Север». Выехав из Риги, Власов по пути заехал в Псково–Печерский монастырь, побывал в Пскове, Дно, Порхове, Дедовичах, Сольцах, Гдове, Луге, Сиверской.

В поездке генерала сопровождали члены т. н. «Русского комитета», созданного в начале 1943 года в Пскове для сбора средств на создание РОА и вербовки добровольцев. В состав комитета входили городской глава Пскова В. М. Черепенькин, бывший городской глава Новгорода Пароменский, редактор газеты «За Родину» Г. Д. Хроменко. Комитет способствовал организации в Пскове курсов пропагандистов и курсов медсестер для РОА.

Эта поездка генерала Власова дорого ему обошлась: выступления Власова в тылу группы армий «Север», его заявления в псковском театре и в Сольцах типа: «Мы не хотим коммунизма, но мы также не хотим быть немецкой колонией», «В Москве мы примем немцев как гостей, а не порабощителей и захватчиков» не были одобрены немецким командованием. В результате А. А. Власов был отозван в Берлин.

«Здесь сидела Тося (11 лет), за скрывательство на чердаке»

Немецкие указатели на Торговой площади Пскова.

Псковское подполье приступило к борьбе с оккупантами уже в начале августа 1941 года. Первые листовки Псковского райкома ВКП (б) «Не верьте фашистской брехне» появились в Пскове 6 и 7 августа 1941 года. Они призывали к борьбе против захватчиков. Псковский городской комитет ВКП (б) включился в борьбу позже – осенью 1941 года.

Руководители райкома и горкома ВКП (б) (Иван Григорьевич Киселев и Андриан Васильевич Гуцин), несмотря на трудности с оружием, продовольственными базами, организационные проблемы, создали межрайонный подпольный партийный центр, объединивший подпольные группы на территориях близлежащих районов и в городе Пскове.

К осени 1941 года в Пскове уже действовали 18 подпольных групп, которые объединяли более 100 человек.

С первых дней оккупации стали обычными публичные казни, расстрелы. 7 августа 1941 года на Торговой площади были повешены два брата: Ефим Федорович Пучков и Кузьма Федорович Фёдоров – «за саботаж».

Спустя 10 дней, 17 августа (в воскресенье) на той же площади были расстреляны 10 заложников [7]. Псковичи были казнены за одного убитого в Пскове немецкого солдата, которого нашли мёртвым в канализационном люке на ул. Гоголя [8].

По предположению родственников убитых, список кандидатур был составлен кем-то в городской управе и, предположительно, мог быть предметом сведения счетов.

Многих взяли прямо на улице, за работником паспортного стола Иваном Ивановичем Фоминым приехали домой в Завокзальный район.

Дворник, не владевший грамотой, Дмитрий Ионович Ионов был взят прямо на рабочем месте (во дворе немецкой воинской части на ул. Гоголя), в рабочем фартуке, с метлой в руках.

По радио было объявлено, что если убийца немецкого солдата добровольно объявится и сдастся властям в течение суток, то заложников отпустят. Никто не явился.

Казнь была публичной, на нее приказано было явиться всем жителям города. Тела расстрелянных висели на столбах два дня, а потом были вывезены за город, на Палкинскую дорогу.

Перрон Псковского железнодорожного вокзала в период оккупации.

Тело парикмахера Александра Ивановича Янчевского (работавшего в том числе в тюрьме), которого также забрали дома, выпросила у немцев его

вдова, которая нашла знакомых, которые свели с немецким офицером, который показал ей место общего захоронения, было дано разрешение на вскрытие могилы, и супруга перезахоронила тело мужа на Дмитриевском кладбище в Пскове. О судьбе тел других казненных ничего не известно.

Страшные снимки казни хранил три года немецкий офицер, попавший в плен под Ригой, где фотографии были изъяты и переданы в Псковское управление Министерства государственной безопасности. Территориальная принадлежность фотографий была установлена по одинаковым аккуратным надписям на обороте на немецком языке: «Расстрел десяти партизан. Плескау. 17 августа 1941 года». Две фотографии были переданы управлением МГБ в Псковский музей-заповедник, одна – в государственный архив Псковской области.

Столбы на месте казни перед магазинами на тротуаре Торговой площади сохранялись до конца оккупации как напоминание.

Тогда же, в августе 1941 года, уже после расстрела, на Торговой площади Пскова было собрано около трех тысяч псковичей – мужчин от 16 до 55 лет. Сначала было объявлено «явиться на регистрацию», но почти никто не пришел. Тогда немцы провели облаву, по всему городу арестовывали людей и сводили на площадь. К вечеру колонну пешком отправили в фильтрационный лагерь под Печорами (на окраине города) [9].

В лагере немцы выявляли неблагонадежных: партийных и комсомольских деятелей, руководителей предприятий. По воспоминаниям выживших, заключенных концлагеря выстраивали в шеренги, перед которыми медленно шла девушка-блондинка в черных очках, которую привозили из Пскова, и указывала на узнанных ею людей. Там же проводились расстрелы.

За побег одного человека расстреливали десять человек. В лагере жили под открытым небом, людей кормили один раз в день баландой. Из лагеря в Псков вернулись не все, а из тех, кто вернулся, многие стали инвалидами.

Массовому уничтожению подверглись цыгане и евреи. Все жители Пскова еврейской национальности осенью 1942 года были вывезены за город

и расстреляны (в Ваулинском карьере и около деревни Подборовье Псковского района) [10].

Все условия «нового порядка» ложились бременем на гражданское население. Но самым ужасным было отношение к человеческой жизни – террор в отношении к мирному населению, к военнопленным.

Любое неисполнение распоряжений властей, уклонение от трудовой повинности рассматривалось как саботаж и строго наказывалось – от штрафа до тюрьмы и расстрела. За отказ от работы полагался штраф от 500 до 800 рублей, принудительные работы, отправка в лагерь.

Псковские концлагеря для советских военнопленных стали местом гибели не менее чем 220 тысяч наших солдат [11].

Псковская тюрьма (в этом здании на углу нынешних ул. Некрасова и Спегальского, там и сейчас следственный изолятор) была переполнена, в камерах заключенные иногда могли только стоять. В тюрьму попадали за неуплату налогов, нарушение комендантского часа, паспортного режима, за вредительство, за участие в сопротивлении.

Стены псковской тюрьмы были испещрены надписями узников: камера № 6: «4 ночи стояли, а теперь не знаем куда повезут», «Был расстрелян за надпись на стенах 23 февраля 1942 года», «Вася Богачев (10 лет) и Люся Богачева (9 лет)», камера № 15: «Здесь сидела Тося (11 лет), за скрывательство на чердаке. Долой с русской земли фашистов», камера № 10: «Стволова Клава здесь держала пытки» [12].

С 1942 года массовые расстрелы немецкие власти перенесли в окрестности Пскова. Чрезвычайная государственная комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Пскове установила в 1944-1946 гг., что расстрелы производились в Крестах, у Рижского железнодорожного моста, в районе салотопенного завода (в районе лесхоза), у деревни Андрохново. Комиссия установила, что в результате расстрелов, казней, истязаний за период немецкой оккупации Пскова было уничтожено свыше 3500 мирных граждан.

Тема немецкой оккупации – не простая. Отношение к ней не однозначное, как со стороны обывателей, так и со стороны историков. Часто можно услышать мнение о том, что оккупация – дело не страшное, её можно пережить, но не дай Бог кому-либо, когда-либо пережить хотя бы сотую долю того, что пережили наши земляки в годы последней войны.

Марина САФРОНОВА, старший научный сотрудник исторического отдела Псковского государственного музея-заповедника, специально для «Псковской губернии».

Продолжение следует.

1. См. подробно первую часть серии: М. Сафронова. Псков сорок первого // «ПГ», № 26 (548) от 6-12 июля 2011 г.
2. И. Х. Вике (1908-1996) – армейский пастор, участник похода вермахта во Францию, в составе 18-й армии группы армий «Север» участвовал во вторжении на территорию Советского Союза по маршруту Тильзит – Якобпилс – Остров – Псков – Струги Красные – Оз. Самро – Петергоф. На Восточном фронте находился до весны 1942 года.
3. Перевод писем передан в 2004 году Петером Вике в комитет по культуре администрации г. Пскова.
4. Рейхскомиссариат Остланд (центр — Рига) включал территорию прибалтийских республик СССР и Белоруссии (рейхскомиссар Генрих Лозе), а также оккупированную часть Ленинградской области.
5. Это была первая ежедневная русская газета на оккупированной территории, выходила с 10 сентября 1942 до начала 1944 года. Она пришла на смену газете «Псковский вестник».
6. Опросный лист – специальная форма КГБ СССР для лиц, вернувшихся из Германии после принудительных работ.
7. Точный список казненных до сих пор не ясен, по нему есть разногласия исследователей. На сегодня в списке находятся (при значительной

неполноте сведений): школьник Владимир Архипов (юноша 15-16-17 лет), Богданов, Владимир Дмитриев (1924 г. р.), дворник Дмитрий Ионович Ионов (1886 г. р.), Александр Тимофеевич Молчанов (60 лет, портной), Владимир Сметанин, Алексей Кузьмич Тех(р)ников, работник паспортного стола Иван Иванович Фомин (1901 г. р.), парикмахер Александр Иванович Янчевский, Озолин Бейк. Псковский государственный музей-заповедник и редакция газеты «Псковская губерния» будут признательны за любые дополнительные сведения. В первую очередь просим откликнуться родственников.

8. Согласно приказу немецкого командования, за одного убитого немецкого солдата должны быть казнены 10 жителей оккупированной территории, за одного убитого офицера – 20 человек. Этот порядок действовал в течение всего периода оккупации.
9. Частично список находившихся в фильтрационном лагере восстановлен по ходатайствам родственников в Псковскую городскую управу. Это всего лишь немногим более 100 человек, имена остальных остаются неизвестными. Точное число казненных неизвестно. Памятный знак на месте массовых казней до сих пор не установлен.
10. Точное место казней евреев на Ваулиных горах не установлено, место расположения памятника выбрано по топониму. Место массовых казней у дер. Подборовье памятным знаком не отмечено.
11. См. подробно: М. Киселев. На псковских могилах не ставят крестов // «ПГ», № 33 (302) от 30 августа – 5 сентября 2006 г.; Е. Ширяева. Живые и мертвые // «ПГ», № 19 (388) от 14-20 мая 2008 г.; Е. Ширяева. Город мёртвых // № 37 (406) от 17-23 сентября 2008 г.; А. Старков. Дважды убитые // № 24 (495) от 23-29 июня 2010 г.; Редакция. Хоронить нельзя строить // «ПГ», № 27 (498) от 14-20 июля 2010 г.; Л. Шлосберг. Главное – достроить дом? // «ПГ», № 34 (505) от 1-7 сентября 2010 г.; Л. Шлосберг. Пески забвенья // «ПГ», № 18 (540) от 11-17 мая 2011 г.; Л. Шлосберг. Сильнее звука // «ПГ», № 21 (543) от 1-7 июня 2011 г.

12. Надписи были зафиксированы в 1944 году при осмотре тюрьмы после освобождения города.